

Андрей Дюкарев

ГОЛГОФА АТАМАНА

Андрей Викторович Дюкарев Голгофа атамана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72299623

SelfPub; 2025

Аннотация

Повесть посвящена Войсковому атаману Кубанского казачьего войска в зарубежье Вячеславу Григорьевичу Науменко (1883-1979). Является попыткой реконструкции его внутреннего мира, осмысления судьбы в контексте ключевых событий начала XX – начала XXI вв. Авторская идея реализована в мистико-философском жанре. Является художественным произведением, не содержит противоправного контента.

Содержание

Голгофа атамана	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Дюкарев

Голгофа атамана

Голгофа атамана

Уважаемый читатель ты держишь небольшую повесть о том, что могло быть или было, или будет. Мы погрузимся в мир мистификации и возможных сюжетных вариантов. Только все герои, которых мы встретим на страницах, это реальные люди, прожившие свою жизнь, со своими мечтами и ошибками, с горестями и радостью. Но они же и участники исторического процесса, оставившие на нем свои «зарубки», влияющие на ход истории, иногда плывущие против потока. Но они были в нашей версии *Бытия*, оставив свой слепок, свой образ, свой «Modus operandi». Мы же берем на себя смелость сломать привычные схемы восприятия персон, мы моделируем сюжеты, которые не могли никогда случиться. Или могли? Мы вольно оперируем чувствами героев, мыслями и словами, которые никогда не слетели с их уст. Мы даем им возможность сказать то, что мир не услышал от них. Возможно ли такое? Так мы же на страницах художествен-

ного, где-то даже фантастического мира! Но это не значит, что это не могло случиться. В стремительном, разбухающем от информации мире, где господствуют непреклонные суждения всё знающих homo sapiens мы сдуваем пыль с таких категорий как *Посмертие* и *Воздаяние*, *Осознание* и *Искушение*.

Наш главный герой фигура неоднозначная в истории. Для кого-то достоин понимания и принятия, для кого-то объект проклятий и осуждения. Вячеслав Григорьевич Науменко, кубанский казак, герой Первой мировой войны и участник Гражданской, Войсковой атаман Кубанского казачьего войска в зарубежье, сохранивший для потомков войсковые Регалии кубанских казаков и сотрудничавший с государственными структурами Германии в период Второй мировой войны. За ворохом официальных регалий и нагромождением ошибок готовы мы увидеть *Человека*?

Дорога... Вдаль, петляя, и ощутимо поднимаясь вверх, уходила дорога, пропадая в зыбком мареве далекого горизонта, где вырастала гора. Гора как конец пути, но не конец всему. Чем устлан этот путь?

Солнце стояло в зените, нещадно и неотвратимо низвергая с небес потоки сухого жара, который, казалось, должен был плавить всё вокруг. Но нет, сухим горячим воздухом

можно было дышать, и даже двигаться сквозь него, преодолевая шаг за шагом хрустящую щебнем дорогу.

Что-то с этим миром было не так. Солнце не спешило укрыться за горизонтом. Оно раз и навсегда заняло место в пронзительной синеве высокого неба, определяя неизбежность дня как времени суток, лета, как времени года и времени, не имеющего начала и конца. Время, как и всё сущее в этом мире, не текло, не менялось, не жило. Здесь не жили звуки, здесь жила тишина. Далекая гора на горизонте не становилась ближе, она была все так же далека, но обманчиво досягаема, заставляя шаг за шагом двигаться к ней. Звуки шагов были единственным фактором, нарушающим безмятежность и равнодушие этого мира.

По дороге легким пружинистым шагом шел человек в форме полковника Российской императорской армии, левая рука привычно придерживала шашку, размеренно качались ордена, соперничая с серебряным аксельбантом Академии Генерального штаба.

– Боже, ну и жара! Где я? Как всё это странно! – сказал негромко офицер, осматривая окрестности.

– Холмистая полупустыня, сухой жаркий климат, о чем-то таком рассказывал Вася Гамалий. Но как здесь оказался я? – на худощавом волевом лице удивление сменялось недоумением, сосредоточенность и анализ окружающей обстановки толкали человека двигаться дальше по дороге.

– Ну, если есть дорога, значит уже есть цель! И ведет эта

дорога, как мне кажется, вот к той горе, виднеющейся вдаль. Если есть дорога, должны быть и люди! Всё прояснится, с Божьей помощью!

По дороге, слегка поскрипывая сапогами и пристально взглядываясь вдаль, уверенно шёл человек в форме полковника Генерального штаба Российской императорской армии образца 1917 года. В миру людского бытия и равнодушно-невозмутимого исторического процесса известный как генерал-майор Генерального штаба Войсковой атаман Кубанского казачьего войска в Зарубежье Вячеслав Григорьевич Науменко¹. Шел и вёл диалог с самим собой, не подозревая, что вскоре ему предстоит вести беседы с людьми, которых он никак не ожидает увидеть. С людьми ли? Или душами, посланными встретить путника, отягощенного грузом

¹ Науменко Вячеслав Григорьевич (25 февраля 1883 – 30 октября 1979). Кубанский казак станицы Петровской Кубанской области. В 1903 г. окончил Николаевское кавалерийское училище по 1 разряду. В 1914 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду и за отличие в науках награждён орденом Св. Станислава 3 ст., причислен к Генеральному штабу. Участник Первой мировой и Гражданской войны в рядах Белой армии. Член Кубанского краевого правительства по военным делам (декабрь 1918 – сентябрь 1919). В августе 1920 г. участвовал в десанте на Тамань под руководством генерала Улагая. Находясь в эмиграции был избран Войсковым атаманом Кубанского казачьего войска в Зарубежье (1920-1958). В период Второй мировой войны сотрудничал с представителями германских государственных структур. В 1944 г. введен в структуру Главного управления казачьих войск вермахта. На завершающем этапе войны в 1945 г. сдался в плен в американской зоне оккупации, находился в лагере. В 1949 г. выехал с семьей в США. Личность В. Г. Науменко в исторической литературе и исследованиях оценивается весьма спорно и неоднозначно, однако его роль в истории казачества бесспорно велика.

ошибок, заблуждений и переживаний?

– И всё же! На мне мундир, а я всё больше в последнее время в костюме гражданском ходил, ну или в черкеске по торжественным случаям. И в каких я сейчас чинах-званиях? Полковник... Однако... Да и мундир парадный, ордена все в наличии, во всю грудь. Я в таком виде-облике в последний раз то перед господами сослуживцами представал в ноябре 1917 года, прощаясь перед отъездом с фронта на родную Кубань. А потом-то всё больше форма полевая или черкеска, ставшая чуть ли не единственной формой одежды на долгие годы. Я и костюмы только под конец жизни стал носить, выйдя навсегда в отставку, сложив с себя атаманство. А тут мундир, чудно!

– Да ладно бы мундир, а я сам?! Плечи как будто назад развернулись, в теле ни одна мышца не болит, ни один сустав не скрипит, хе-хе, только сапоги и поскрипывают.

– То ли сон, то ли явь. Два важнейших вопроса – где я и что со мной? И мне бы зеркало, какое – глянуть на себя. Так нет ничего, ни озера, ни ручья, ни лужи: не взглянуть на себя, не водицы напиться.

Тут атаман поднес к глазам свои руки, а затем провел ими по лицу.

– Такими руками, сильными и крепкими, я шашку дер-

жал, ведя сотни в атаку. А ведь я их помню старческими, со вспухшими венами, едва держащими карандаш.

И он погрузился в глубокие размышления, продолжая методично преодолевать дорогу. В небе не было ни облачка, и солнце всё также устремляло к земле свои беспощадные лучи.

– Как у нас в приазовской степи знойным июльским полднем. Так же жарко и тихо. Боже мой, как давно это было! Только у нас можно встретить две-три вербочки на берегу тихого ерика², да напиться и искупаться. А тут?

Дорога вильнула и за её изгибом открылась картина, заставившая нашего путника остановиться, а затем с возгласом броситься вперед.

– Саша! Сашка! Братец! Ты? Но как?

Чуть в стороне дороги на брошенном на землю кавалерийском седле сидел казачий подьесаул³. Красивое благородное лицо было задумчиво, глаза спокойно вглядывались в дорогу, словно ожидая кого-то. Он неспешно жевал травинку, и весь его облик как нельзя лучше соответствовал безмолвной пустоте этого места. Увидев брата, Александр Науменко⁴ оживился, лицо озарилось улыбкой. Поднявшись с сед-

² Ерик – это небольшой речной проток, соединяющий два водоёма. Также ерик может означать искусственный осушительный канал.

³ Подьесаул воинское звание (чин) обер-офицеров (младших офицеров) в казацких войсках Российской армии. Оно соответствовало штабс-капитану и штабс-ротмистру в регулярных войсках (пехоте и кавалерии).

⁴ Науменко Александр Григорьевич. (1887–1916). С 1911–1914 гг. – слушатель

ла, на котором очевидно ожидал старшего брата, он раскрыл руки в объятиях.

(Иллюстрация 01_Брат Александр)

– Слава! Возмужал- то как, брат!

Братья обнявшись, хлопали друг друга по плечам, вглядывались в лица друг друга.

– Саша! Но как же... Тебя же...

– Да, Слава, ...я ушел... в 1916 году, ты же помнишь...

На турецком фронте, а ты тогда воевал с немцами. Но это уже не важно. Уже не важно. Ни для меня, ни для тебя. – Произнеся эти слова Александр Науменко задумчиво глянул в глаза брату Вячеславу, а затем продолжил.

– Сначала конечно, наше личностное эго сопротивляется, отголоски былого человеческого сознания бунтуют, не в силах согласиться с данностью. Но потом... потом всё встает на свои места. Вот и я сначала жалел о не сбывшемся, о не прожитом, о не случившемся... Мне так и не удалось погеройствовать на войне. А у тебя вон смотрю, полный набор орденов на груди! Орел! Потом эта Ваша революция, да и не только. И всё без меня! Но, всё пустое! Только здесь познаешь, что есть суэта земная, и что есть вечность.

– Ты изменился, брат! – сказал с легкой печалью полковник Генерального Штаба. – Стал философом. Но ты мне скажи, здесь – это где? Где мы? Я-то понять ничего не могу.

Николаевской академии Генерального штаба. Службу проходил в 1-м Таманском конном полку. Погиб в 1916 г. на Турецком фронте.

Место странное, как будто мертвое. Ни зверя, ни птицы в небе, облачка какого и то по небу не гонит ветром. Да и сам я... Я ведь помню всё, жизнь свою долгую да извилистую, не приведи Господи! Как старел да болел, уж под конец и карандаш не мог в руке держать. А сейчас? Я не ощущаю груза прожитых лет, я снова молод и силен! Не то, что карандаш, шашкой могу крутить-вертеть как в былые времена! Где мы? Что со мной, братец? Я умер? Да и ты... Я уж давно свыкся с мыслью, что нет тебя, ты уж прости.

– Не извиняйся, брат, пустое. Я бы и сам диву давался на твоём месте. Что же до тебя... Не печалься по поводу случившегося с тобой. Все мы *Уходим*, рано или поздно... Только смерть *Там* это еще не *Конец* всего, это нечто другое. А что до того где мы есть, так это сразу и не объяснить. Место сие имеет разные толкования, которые опять-таки зависят от многих причин. Как человек себя ощущает, так и место это ему видится. Какую жизнь прожил, какой груз на плечах несет. Это *Преддверие*... Преддверие дальнейшего бытия или небытия. Место *Ожидания*.

– Ожидание чего, Саша? Да и как ожидать, если надо идти? Дорога, дорога, которая неумолимо увлекает вперед, и нет сил этому противиться!

– Ожидание, Слава, *Суда*. Ожидание своей дальнейшей судьбы, а вернее своей участи. Судьба у нас у всех была *Там*... У каждого своя. А здесь *Суд* и *Участь*, по делам нашим. Вот так, брат. А что касается дороги – так разве дорога

не является ожиданием? Ожиданием того, что откроется за ее изгибом? Ожиданием того, куда она приведет? И у каждого своя дорога... Твоя-то дорога, я смотрю, Слава, не легка.

– И то, правда, Саша, тяжела дорога. Только казачья закваска наша, да фамильное упрямство и ведут меня все дальше и выше, но ты же знаешь – мы никогда не сдаемся!

– Дорога твоя, Слава, это твоя жизнь, и отражение твоей жизни, и своего рода воздаяние за твою жизнь. Видно не простую жизнь тебе пришлось прожить, брат. Моя была иной. Ровной да гладкой, как укатанный степной шлях⁵ летом. А вокруг травы, ветром волнуемые, по пояс, как у нас в степи за станицей. Так, по правде сказать, и жизнь моя была не долгой, да и тяготами не обремененной. Не успел я ни нагрешить, ни врага лютого шашкой погонять, все видно тебе пришлось на себя взять.

– Так оно вишь как поворачивается, брат. Мы-то думаем, что все по правде делаем – и живем, и любим, и серчаем, если на кого. А правду ту только Господь получается и различает – правда она аль нет. Или грех очередной на плечи свои взваливаем. А он то, грех наш, поначалу и не велик то, – так грешок невесомый, легок и незаметен. Только как в мешок заплечный, судьбы нашей, матушки, попадет пушинка сия греховная, так ядром чугунным воздаяния и оборачивается. И мотает потом нас эта тяжесть согбенная из стороны в сторону по пути жизненному, вот как меня сейчас по пути-до-

⁵ Шлях степная дорога на Юге, также большая наезженная дорога, тракт.

роженьке этой пыльной да безрадостной. Смолоду-то решения легко даются: обидеть кого за правду постояв, иль рубить с плеча за ту же правду-матушку хоть шашкой, хоть словом. Да и искушению поддаться куда как незаметно можно – гордыни ли своей, тщеславию ли, иль похоти мимолетной, все едино. Обличьев и одежд у греха нашего множество, и все один к одному копится. А в годах зрелых, да при должности, закостенев в непримиримости своей и принципах якобы истинных, уже и не можем жить просто, без надрыва, да чтобы рубаху не рвать на груди иступленно. А следовательно и копилка наша греховная копится, и дорожка судьбоносная вьется заковыристо, спотыкаявшись. Так-то, брат Сашенька!

– А то, что не великой мерой тебе отмерено было земного-грешного, так ты не печалься, Сашко. Жизнь она, братец, только в юности ранней яркая и блестящая, а с годами все тускнее и грязнее, будучи забрызганной кровушкой, да замаранной ненавистью нашей клокочущей.

– Так все плохо было, Слава? А как же мечты наши? О любви, о подвигах и победах? Свои-то мечты я с собой забрал, да и выцвели они здесь так и не реализовавшись. Но ты вон, аж целым атаманом стал! И как вы тогда, такие орлы-герои, Кубань нашу красавицу да Рассеюшку потеряли? Расскажи мне, братец, бо невдомек мне такое, не прожив, не прочувствовав.

– Эх, Саша-Саща! Как потеряли все и сами не сразу уразумели-поняли... Мутно все было в годы те лихие переломные,

муторно и гадко... То, что веяло переменами неизбежными, так еще при тебе ощущалось и предчувствовалось. Разговоры наши помнишь? Из довоенного времени все по другому виделось нам. Император казался незыблемым как сама Россия, хотя цивилизации и порядку нам хотелось как в «европах», да и к власти приблизиться, а не всю жизнь «во фронт» тянуться. Опять же работа Государственной Думы раззадорила нас, своя казачья фракция у нас там была. Бардиж Кондрат Лукич⁶, уже в 1917 году, когда все закрутилось-завертелось представлял на Кубани Временное правительство, этого пустобреха, прости Господи, Керенского. Не повезло ему крепко, с сыновьями – постреляли их большевики не за что. Как впрочем, и многих других казаков.

– Как же так? Как допустили такое?

– К самому концу 1917 года все резко изменилось. Жизнь понесло как неуправляемую бричку по разухабистой дороге. Все эти надежды размыто-наивные, свободой приправленные быстро рассеялись. Никто и подумать не мог что это война... война своих со своими... А уже стреляли и рубили нашего брата, особенно офицеров. Вот и Бардижы сгинули, как и многие другие. Это на фронте понятно было – вон он

⁶ Бардиж Кондрат Лукич (9 марта 1868-9 марта 1918). Казак станицы Брюховецкой. Казачий политик и общественный деятель, член Государственной Думы Российской империи всех её созывов. После Февральской революции К.Л. Бардиж вернулся на Кубань в качестве комиссара Временного правительства, но потом сложил свои полномочия, министр внутренних дел в Кубанском правительстве.

враг в перекрестье прицела, турок-басурманин, иль немец педантичный. А здесь... все смешалось. Вчерашний станичник али однополчанин мог оказаться злее ворога иноземного.

И нашей семьи сие коснулось⁷. Брата нашего двоюродного, Женю Науменко, дяди Кости сына помнишь? Так вот, попросил я его съездить в станицу нашу и привести мне кобылицу мою «Ракету». Сам-то я из Екатеринодара вырваться не мог. Февраль 1918 года, большевики поджигают, вокруг разброд и неразбериха, на фронте и то легче было. И вот уже когда Женька назад возвращался, под станицей Анастасиевской зарубили его красные. «Ракета» после этого досталась какому-то комиссару, а при Таманском восстании комиссар тот был казаками ликвидирован, а кобылу они доставил в станицу батюшке нашему. Так сестрица наша Сонечка⁸ потом все меня винила в смерти Евгения.

Что случилось, то случилось. Может и этот камушек добавил в суму грехов моих. Потом много всего было... нехорошего, что и вспоминать не хочется. А тогда, пережив неудачи первой половины 1918 года, мы воспряли, зигзаг удачи вернулся к нам. Казачки наши, хлебнув обещанной милости комиссарской, потянулись к Антону Ивановичу Де-

⁷ Приводится реальный случай описанный атаманом В.Г. Науменко в эмиграции в своих дневниках.

⁸ Софья Григорьевна Зайцева (Науменко), сестра Вячеслава и Александра Науменко.

никину, под чьей властью находились и войска Кубанского войскового правительства. Отбили у большевиков Екатеринодар как и всю Кубань. Только недолго удача с нами была. Нас раздирали изнутри политические склоки, фронт трещал из-за дезертирства, людьми овладели жесточайшее разочарование и ненависть. Ненависть к большевикам, к жестокой эпохе, к жизни, которая рушится. Ненависть стала править миром. Только нам она не помогла, как видишь, – горестно вздохнув, старший брат Науменко немного помолчал, а затем продолжил.

– Весной 1920 года выпихнули большевики нас с Кубани, потом Крым, но и там не удержались. После Крыма то еще угар борьбы был, а потом... закончилась наша Россия и Кубань вместе с ней. Только понять мы этого долго не могли... Все надеялись, ждали. Сначала что рухнет Совдепия⁹, потом союзничков высматривали... Эх, все прахом... И Россия, и жизнь, и мечты...

Повисло молчание. По лицу полковника ходили желваки. Но нет, ничего не сверкнуло предательски в глазах. Все давно высушило в бессонные ночи долгой жизни.

– Да, Слава, видно груз пережитого несешь на себе не малый. Ну, так значит, уготовано было тебе так свыше – идти долгой дорогой жизненной, где-то напролом, а где-то и заблуждаясь. Иди, брат, твоя дорога ждет тебя!

Стоящие напротив брата долго вглядывались в лица друг

⁹ Совдепия – презрительное название РСФСР в белогвардейской среде.

друга, затем крепко обнялись. Старший, Вячеслав, развернувшись, двинулся дальше по кажущейся бесконечной дороге. А на ее изгибе, медленно истаивал силуэт подьесаула Александра Григорьевича Науменко, не вернувшегося с Турецкого фронта в 1916 году, но по какой-то закономерности встретившийся своему брату Вячеславу Григорьевича Науменко на его последней дороге.

Камни в дорожной пыли все также хрустели под сапогами полковника Генерального Штаба Науменко, а равнодушное и вечное солнце заливало все окрест зноем. Однако он не замечал неудобств окружающей обстановки. Отрешенное, задумчивое выражение лица свидетельствовало о глубоких раздумьях, в которые был погружен путник. Он вел молчаливый диалог, с братом ли Александром, которого не видел жизнь, с самим собой или своей судьбой.

– Саша, Саша, надо же, как... Жизнь целую прожил без тебя, и свыкся давно с мыслью что нет тебя... А ты... Как будто вчера расстались...

– Что я могу тебе рассказать, брат? Как отрекся от нас государь император в феврале 1917 года? И рухнул мир наш, покотившись под откос. Вот тогда-то мы и потеряли Россию нашу матушку, только сами еще не осознавали этого. И даже шанс поначалу углядели в этом, самостоятельность да сво-

боду казачью возвернуть. Не для всех, правда, чего уж там, а только для «панов», как говорили у нас в станице. Власти мы хотели, власти, вот в чем вопрос. И вот за всей возней этой за власть призрачную и некогда было Россию спасать. Да и себя не все спасли. Бардижей вот, и отца и сыновей постреляли красные, когда мы не зная куда бежать, метались по Кубани в феврале 1918 года. А Рябовола¹⁰ с Кулабуховым¹¹ сами и приговорили, разойдясь в понимании политического вопроса. Эх, грехи наши тяжкие... И ведь сколько лет еще, да что там лет, десятилетий, были как чумные. Все больше черствея в ненависти, ища врагов среди своих и чужих. А так и не поняли, что Россию мы потеряли раз и навсегда еще в 1917 году.

Вот так рассуждал в своем внутреннем монологе генерал-майор Генерального штаба императорской армии Российской империи, Войсковой атаман Кубанского казачьего войска в зарубежье Вячеслав Григорьевич Науменко, кото-

¹⁰ Рябовол Николай Степанович (1883-1919). Казак станицы Динской Кубанской области, кубанский политик и общественный деятель, председатель Кубанской Законодательной Рады (1917-1919). После критики Добровольческой армии был убит. Многочисленные улики указывали на участие в убийстве некоторых офицеров Добровольческой армии, но несмотря на это виновники не были обнаружены.

¹¹ Кулабухов Алексей Иванович (1880-1919). Уроженец станицы Новопокровской Кубанской области, священник, казачий политик и общественный деятель, член Кубанского правительства, Кубанской Рады, входил в состав кубанской делегации на Парижской мирной конференции. Повешен по решению деникинского военно-полевого суда.

рому для осознания своих заблуждений и ошибок понадобилось прожить долгую жизнь, и лишь шагнув в *Посмертие*, суметь их понять и принять.

Гора на горизонте, несмотря на изрядно пройденный путь, была все также далека. Но дорога, тем не менее, слегка повышаясь, увлекала путника вперед. За очередным изгибом загадочно-пустынной дороги Вячеслава Григорьевича Науменко ожидала новая встреча. У самой обочины дороги, словно специально для усталых путников лежал ствол поваленного дерева, на котором восседал благообразный старик в форме войскового старшины¹². Отливающие золотым огнем пуговицы на кители соревновались блеском с начищенными сапогами. Морщинистые крепкие руки его покоились на выставленном причудливом резном костыле, а легкий ветерок пытался шевелить окладистую седую бороду, которая обрамляла властное, слегка суровое лицо. Взгляд отставного казачьего войскового старшины был задумчив и устремлен на дорогу.

(Иллюстрация 02_Отец атамана)

Открывшаяся взору картина была настолько иррацио-

¹² Войсковой старшина – офицерское звание (чин) в казачьих войсках русской армии. С 1775 года звание войскового старшины соответствовало чину секунд-майора, с 1798 – майора, с 1884 – подполковника (седьмой класс Табели о рангах).

нальна, что в первое мгновение полковник Науменко изумленно застыл, а затем со всех ног бросился вперед.

– Отец, отец! Вы ли это, батюшка?!

Григорий Потапович Науменко, войсковой старшина Кубанского казачьего войска, участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., медленно поднялся навстречу сыну. Взгляд его просветлел и смягчился.

– Здравствуй, Слава, здравствуй, сынок!

Отец и сын внимательно вглядывались друг в друга, а затем крепко обнялись. Вячеслава Науменко, не кланявшегося немецким пулям на фронте Первой мировой войны и водившего в кавалерийские атаки казаков в Гражданской войне трудно было вывести из равновесия. Однако события, происходящие с ним в последние несколько часов, требовали большого самообладания, чтобы сохранить целостность собственного «Я» при потере прежних координат жизненной вселенной.

Прижавшись к отцу, и ощущая щекой шелковистость его бороды, младший Науменко пытался совместить изумление своих чувств реалистичности происходящего и бесстрастность памяти сомневающейся в истинности действия. Ибо Вячеслав Григорьевич Науменко точно знал, что его отец, Григорий Потапович Науменко, бывший атаман станицы Петровской и Почетный блюститель Петровского станичного женского двухклассного начального училища уйдет на небеса в 1922 году, не выдержав притеснений советской власти.

И всю свою длинную жизнь атаман В.Г. Науменко, уводя от беды казаков все дальше на Запад, будет укорять себя, что не смог спасти своих родителей, оставив их старых и беспомощных в родной станице. Этот груз терзаний, носимых всю жизнь в груди, всколыхнулись в нем с новой силой.

– Отец, – прерывисто выдохнул он, – простите меня, батюшка, ради Христа! За то, что оставил Вас антихристам красным! Не смогли мы пробиться тогда в августе 1920 года с десантом Улагая, не смогли...

– Ну, полно тебе, Слава, не убивайся понапрасну. Что случилось, то случилось, знать судьба наша такая. Теперь-то это и смысла не имеет. Садись, сын, отдохни, да и поговорим заодно.

Григорий Потапович осторожно опустился на приютившее их дерево, приглашая сына присесть рядом.

– Я смотрю, ты в полковничьем мундире, а помнится, генералом уже был?

– Я сам не пойму, батюшка, в последнее время со мной много странного произошло, да и сейчас вот... Встреча с Вами... так неожиданно. А перед этим я встретил Сашу... А еще раньше была долгая жизнь, где я скорбел о Вас о всех. Вас никого не было уже со мной, а я все шел по жизни, вот как сейчас по этой дороге. А что до мундира полковника, то я осознал себя в нем уже здесь, в этом загадочном (странном) месте. Я таким был, – полковник Науменко на минуту задумался, взгляд его на мгновение затуманился, – я таким

был в 1917 году, на самом переломе, на той грани «до – и после». Аксельбанты, ордена, шашка Георгиевская, погоны полковника – это все Империя наша Рассейская. А вот генеральство да портфель министерский в Краевом правительстве – это уже Смута да метания наши.

– Ну, вот видишь, сам все понимаешь, не зазря в Академии учился. Стало быть, жизненный водораздел в судьбе твоей аккурат по 1917 году и прошелся. Но то, сынок, не значит, что все, что будет, иль было после, является менее значимым. Остальная чай жизнь тоже не сахар была. Насколько я самую малость захватил новой жизни, и то в великом смятении был. Ну а Вашему поколению выпала горькая доля, смириться или сражаться, погибнуть или ..., да, только вот победы Вам не суждено было одержать...

А что касается места сего дивного, то ты и сам уже догадался. То, что ты здесь означает конец твоего пути земного, каков бы он не был. Все мы грешны вольно или не вольно в содеянном, или в не совершённом, пребывая в юдоли нашей земной. Но очутившись здесь, мы возлагаем на чашу весов Божьего суда все содеянное, как во благо, так и супротив Божьего замысла. Только не ведомо нам, душам греховным, заблудшим и заблуждающимся, какие из поступков наших как оценены будут и на какую чашу весов лягут.

Только это еще не суд Божий. Чтобы предстать пред Господом, надо вспомнить и осознать все, а это труд непростой, мучительный. Вот и идет всяк попавший сюда каждый к сво-

ей Голгофе вспоминая, страдая и очищаясь. И путь, и тяжесть у каждого своя. У кого-то тропинка незамысловатая, да скорая. А у тебя я смотрю, дорога не из простых, сын, знать и судьбынушка не из легких выдалась. Ношу то атаманскую нелегко было нести?

– Что судьбы непростые у нас были, батюшка, так-то нам эпоха определила. Но не это главное. Человек привыкает ко всему: к чужим людям вокруг, к чужому языку, к чужому небу над головой. Привыкает не жить, а существовать, привыкает не бороться за счастье, а искать оправдание за неудачи – вот это страшно, отец.

А что до ноши моей атаманской, Вы правы батюшка, тяжела была. Хотя тяжесть ее долго не осознавалась. Все затмевалось тщеславием и радостью от достигнутой должности. Но, по правде сказать, отец, эгоистические ощущения были не главными и не единственными. Определяющим для меня было желание сбереечь наше казачество на чужбине, помочь казакам выжить, сохранить себя. По молодости энергии и порывов много было, что порождало различные планы и прожекты. Что-то удалось претворить, а что-то так и осталось «брожением в умах».

– Ну и что гнетет тебя, сынку, более всего, содеянное али несбывшиеся?

– Эх, батюшка, кабы так легко было ответить... Камнем на душе всю жизнь пронесил, что не смог Вас, с маменькой, вывезти тогда в 1920-м году, оставил на поругание больше-

викам. О судьбе Вашей только в середине 1920-х узнал, когда редкие одиночки стали бежать из Совдепии. Вот казаки-земляки и поведали, как новая власть с Вами обошлась.

– Что сейчас-то об этом. Да и куда бы мы, под конец жизни от своего хозяйства поехали? Дом, сад наш, мельница-кормилица, все, что всю жизнь строили да обихаживали, как бросить? Это ты, Слава, всю жизнь в полку, потом в Академии, да на войнах. Своего очага и не было, да и вкуса ты его не знаешь, не в обиду тебе будет сказано. Я все думал – внучата пойдут, так отстроим тебе дом справный в Екатеринодаре, чтобы было у тебя свое гнездо по чину твоему. А оно вишь как обернулось. Наталия, когда родилась хоть и радость великая нам была, а вокруг беда да лихо в обнимку ходят. Так и не получилось тебя по всем правилам отделить под собственную крышу.

При этих словах старый казак потрепал сына по плечу, и горькая усмешка пробежала по его лицу. На что Вячеслав, спокойно и даже философски отвечал:

– Значит не судьба, отец. Что толку – вон у Андрея Шкуро два дома в Екатеринодаре было, не считая отцовского в Пашковке. Так все большевикам и осталось. О чем уж тут жалеть. Моим домом в жизни можно сказать дорога стала. Так и промышкался по чужим углам, сначала в Европе, потом в Америке. Я-то ладно, а вот Нине¹³ моей тяжело было, жен-

¹³ Науменко (Кончина) Нина Михайловна. Супруга Науменко Вячеслава Григорьевича. Дочь полкового врача 1-го Полтавского полка Михаила Николаевича

щине без своего дома нельзя.

Григорий Потапович согласно покивал седой головой словам сына, а перед глазами вставали образы раскидистых яблонь собственноручно выращенного сада, родное подворье в станице Петровской, где знакома каждая мелочь.

– Вот и мы с матушкой твоей сроднились с домом нашим, не могли мы его бросить. Да все одно ненадолго. Проигравшим с победителями не ужиться под одним небом. А мы как есть были проигравшей стороной. Вот с весны 1920-го по родной станице и ходили как будто врагом оккупированные.

– Тяжело было под Советами, отец?

– Да что такое тяжело, Слава, когда все что было правильно и понятно в жизни стало рушиться? Крепкий хозяин, уважаемый человек вчера, вдруг в одночасье становится врагом общества. Все прежние заслуги, беспорочная служба, материальный достаток, воспитанные и достигшие положения дети – все становится отягчающими обстоятельствами. У нас, конечно, и раньше, при царе-батюшке, гольтьба на землю офицерскую зарилась. Ну а после двадцатого года их мечта сбылась, им на радость, нам на горе. Хотя вся наша жизнь превратилась в одно сплошное горе... Саша погиб, ты на чужбине, по станице идешь, а в спину попреки да брань. Землицу нашу забрали, мельницу опять-таки. А забрать то легко, да ума хозяйству дать не просто. Вот Иллиодора¹⁴ при

Кончина. Скончалась 1.12.1964 г. в США.

¹⁴ Науменко Иллиодор Григорьевич. Родился в 1874 г. В 1922 г. подвергнут

мельнице нашей управляющим и оставили. А все одно жить спокойно не давали. Вместо правления станичного стал ревком красный всем заправлять, а верховодили в нем самые отъявленные голодранцы. Ох и лютовали они после того как Вы с Улагаем назад ушли, за страх свой пережитый. Офицеров всех вплоть до стариков, да семьи тех, кто у Деникина с Врангелем служил, всех переписали, коней справных позабирали, оружие все, даже наградное, велели сдать. А я не в силах был заставить себя подчиниться власти их бесовской, а пришлось... Вызвали к себе в ревком, ну я револьвер с кинжалом приладил и пошел. Уж до того зол был, что хотел костылем отходить их как в прежние годы, когда голозадыми скакали по станице. Да годы мои уже не те были. Пригрозили Иллиодора арестовать, если не подчинюсь власти новой. Швырнул им револьвер, а кинжал да шашку сказал, что в могилу с собой заберу, вот потом пусть и забирают. После того случая как будто стержень из меня вынули, искра Божья стала затухать во мне, да и ушел я в скорости... Я можно сказать и не жил под ними. А вот, матушка наша, Вера Исааковна¹⁵, хлебнула больше моего. Ей сердешной, выпало своими глазами видеть наше окончательное разорение и унижение, и как забрали все подчистую, и как гнали в ссылку из родной

репрессиям со стороны Советской власти, раскулачен, выслан на Север. Умер в 1936 г.

¹⁵ Науменко (Мельниковская) Вера Исааковна. Родилась в 1846 г. Дочь войскового судьи Кубанского казачьего войска Мельниковского Исаака станицы Старонижестеблиевской Кубанской области. Умерла в 1922 г.

станции, позабыв о заботах ее просветительских в прежние годы. И конец своей земной юдоли нашла на краю стылой заснеженной степи, выброшенная из вагона помирать в чужом краю. Вот так вот, сынок. Но ты себя не укоряй, твоей вины тут нет никакой. Мы свою жизнь хорошо, достойно прожили. Вас, деток своих вырастили, гордились Вами всеми, каждый из Вас нашел свою дорогу жизненную, хоть и разную. А что конец жизни нашей печальный, так-то конец всей России-матушки прежней, златоглавой, такой был горестный.

Хлопнув себя по коленям, Григорий Потапович Науменко, одной рукой опираясь о плечи сына, а другой на крепкий резной костыль поднялся с приютившего их у дороги дерева. Старый казак с нежностью и тихой грустью смотрел на своего взрослого сына, по лицу которого пробежали отголоски того смятения и переживания чувств, которые кипели в его душе.

– Ты, Слава, лишний груз на душу не бери. Твоей вины в том, что с нами случилось, нет и быть не может. Тебе и без этих терзаний есть о чем подумать, вспомнить, осознать. Ноша твоя незримая тяжела. Но груз ли это грехов или ошибок? Или непременно и обусловленное условие твоего жизненного бытия? Кто знает... Не нам, и не тебе судить о том. Это место, как ты сказал загадочное, помогает по-новому взглянуть и на себя и на свою жизнь прошлую, уже ушедшую, холодно бесчувственную, потому как это уже лишь эхо былого. Иди сын, и слушай шепот своей души. Сомневайся в своей

непогрешимости или утвердись в верности содеянного когда-то. Ты должен постичь себя, для этого тебе и дана эта дорога.

Старик привлек к себе растерянного сына в безупречной форме полковника Генерального штаба когда-то и где-то существующей Российской империи, а затем, отстранившись, слегка подтолкнул его к уходящей вдаль дороге.

Сделав несколько неуверенных шагов, полковник Науменко обернулся. У обочины дороги стоял его старый отец, видевший «золотой век» казачества на рубеже XIX– XX веков, и то, как он вдребезги разобьётся всего лишь два десятилетия спустя вместе с Российской империей. Тяжело оперевшись на свой посох, удерживая на плечах груз пережитого, стоял его батюшка, почетный блюститель Петровского станичного училища, собравший обширную библиотеку в своем доме, и не отказывавший никому из станичников в их интересе к живому слову. А дни свои закончил гонимый и поносимый бранными словами, но гордым кремневым останцем старого мира. Отец смотрел на него с любовью и печалью, зная о тернистости предстоящего пути, и невозможности облегчить гнетущую душу сына тяжесть. Здесь каждый сам несет свою ношу на своей дороге.

– Отец, папа, надо же, это сколько я не произносил это слово – папа? – бормотал Вячеслав Науменко, механически

отмеряя бесконечность дороги. Да почитай, как в Воронеж определили меня в кадетский корпус, так и кончилось детство мое с его нежностями, а соответственно и родители стали отстраненно далеки. Отец... вот и с тобой свиделись. Как же мне тебя не хватало, как я мучился всю жизнь, что не смог вывезти Вас, родных моих, в Европу, не уберег от злой судьбины.

Встреча с отцом ошеломила всегда спокойного полковника Науменко. В его душе смешалась нечаянная радость от встречи с родным человеком, горечь от его потери, случившейся когда-то давно, и с годами притупившейся, и неизбывное чувство сыновней вины, что не сумел предотвратить неизбежное.

– Рассказывали мне казаки, земляки наши петровские, кто сумел бежать от советов в двадцатые годы, о притеснениях Ваших. О том, что не в мочь уже Вам было, батюшка, на белом свете терпеть лихоимство новой власти, и о том, что сгинула матушка в чужом краю, как собака, выгнанная на старости лет. Как Иллиодорку, из ссылки вернувшегося, до греха самоубийства довели, как сестрицы бежали подальше из мест родных, чтоб детей спасти от внимания комиссарского. Всю семью порушили-исковеркали. Как мне жить с этим было? Зубами скрипеть только в бессильной ярости, да счет копить к отродью бесовскому. Только уже тогда понятно было – искать надо союзников. Да такую силу непомерную, которая могла бы переломить хребет большевицкий. А

мы со своей идеей Белой уже негожи были на подвиги такие. Разбрелись казачки по Европе, балаганными скачками развлекая хозяев. Не стало в изгнании неудержимых казачьих сотен да полков, когда то силы грозной победоносной. Тоска неизбывная осталась в душах казачьих по околицам станичным, страх за родные души оставленные, да злость черная разъедающая. А силы и мощи казачьей не было уже...

– Вы вот, батюшка, войсковой старшина казачий, басурман бивший не единожды, не спросили меня о главном. Только глаза Ваши мудрые, все ответа искали, в душу заглядывая. А ведь знали Вы, отец, да понять не могли, как же мы могли с немцами сговориться, да под знамя их стать. Как могли казаки, защитники земли русской, уподобиться князю Олегу летописному? Как могли казаки, еще вчера добывая славу и кресты георгиевские в схватках с наследниками тевтонскими, позабыв об этом в ряды их встать? Не спросили, батюшка, хоть вопрос этот в глазах Ваших читался...

– Да и что тут скажешь... Оправдания-причины они всегда найдутся. Только истины в них все одно не будет. Нет истины там, где грех! А по-другому и быть не может. Согрешили мы... и я, Войсковой атаман войска нашего Кубанского, и Андрюшка Шкуро, и другие братья-казаки, для кого обида да ненависть лютая превыше всех добродетелей стали... Как нельзя женщину любимую обманом вернуть, так и Родину не вернуть назад штыком вражеским. Эх, только поздно мы прозрели, ой как поздно.

Так, не замечая трудностей ложащейся под ноги дороги, Вячеслав Григорьевич Науменко беседовал с отцом, как если бы он незримо шагал вместе с ним. Только с отцом ли вел диалог казачий атаман или сам с собой?

А между тем дорога всё так же вилась легким изгибом, уходя вдаль. Сделав очередной плавный поворот, она открыла взору удивительную, и даже в какой-то степени сюрреалистическую картину. Придорожные кустарники и невысокие деревья, слегка отступив, образовывали уютную лужайку, поросшую невысокой густой травой с вкраплениями неброских цветов удивительным образом напоминая живой ковер. На лужайке стояли исполненные в стиле ротангового плетения столик и два стула, один из которых занимал задумавшийся мужчина. Был он крепкого сложения в темном, хорошего качества сукна костюме. Взгляд его хоть и выражал глубокую погруженность в работу мысли, но был уверен и спокоен. На столе лежали книги с закладками, а одну из них он держал раскрытой, отвлекшись на размышления.

(Иллюстрация 03_Щербина)

Увидев эту картину, полковник Науменко остановился на несколько мгновений, пытаясь соотнести сюрреалистичность представшего его взору с реальностью, которую он знал и помнил. А затем решительным шагом направился к мужчи-

не, очевидно ожидавшего именно его.

– Здравствуй, Федор Андреевич! Сказал бы, что рад видеть, если бы не место, где мы находимся! Но удивлен уж точно! Тем, что именно ты встретился мне на этой дороге!

Сказал ровным голосом Вячеслав Григорьевич Науменко подходя к поднявшемуся Федору Андреевиче Щербине и протягивая ему руку. Да, у уходящей вдаль дороги, Войскового атамана Кубанского казачьего войска Вячеслава Григорьевича Науменко ожидал кубанский казачий политик и общественный деятель, историк, народник, основоположник российской бюджетной статистики, член-корреспондент Императорской Академии наук, действительный член Научного общества имени Тараса Шевченко, член Кубанской Рады, глава Верховного суда Кубанской народной республики, поэт и писатель Федор Андреевич Щербина.

– Здравствуйте, господин атаман! Хотя здесь Вы еще полковник, как я посмотрю. А что до Вашего удивления, так в этом ничего странного нет. Там! Там, нас много связывало, хоть мы и не всегда стояли на одних позициях. Ну, я тоже рад Вас видеть, насколько это применимо к ситуации и месту! Присаживайтесь, отдохнете да побеседуем.

Полковник Науменко присел в предложенное кресло, с удовольствием откинувшись на спинку и с интересом посмотрел на лежавшие на столе книги.

– Вы как всегда, Федор Андреевич, погружены в интеллектуальную работу и окружены книгами. Даже здесь?

– А чему Вы удивляетесь, Вячеслав Григорьевич? Господь каждому определил его предназначение и служение. Наша изначально заложенная Господом суть неизменна. Моя *Божья искра* определяла весь мой жизненный путь как работу мысли, исследования, написание различных научных и общественно-значимых работ. И через это, по замыслу Господа, изменение человека и общества. Ну и *Здесь* моя суть осталась неизменной.

Федор Андреевич Щербина спокойно посмотрел на Науменко, а затем продолжил.

– Ваше Божье предназначение было сложнее. Это был путь воина и хранителя. Да и книгами Вы были окружены не меньше моего, по крайней мере *Там*. Ну а Ваше «Великое предательство»¹⁶ точно можно поставить вровень с моим «Кубанским казачьим войском»¹⁷.

Науменко со сложным выражением удивления и благодарности на лице посмотрел на мэтра кубанской, да и не только кубанской, науки и литературы.

– Благодарю Федор Андреевич, за столь высокую оценку моей книги. Я сделал то, что считал своим долгом атамана

¹⁶ Книга Науменко В.Г. «Великое предательство», о трагедии в австрийском городе Лиенц и окрестностях, когда Великобритания выдала сдавшихся в плен казаков-коллаборантов СССР. Книга издана в Нью-Йорке (1-й том в 1962 г., 2-й в 1970 г.).

¹⁷ Книга Щербины Ф.А. «Кубанское казачье войско. 1696-1888: Сборник кратких сведений о войске» в 2-х тт. Книга написана в соавторстве с Е. Д. Фелицыным.

и просто казака.

– Добротная работа, основательная, на огромном массиве фактов и документов, Вячеслав Григорьевич! Я так понимаю непросто было собрать и обработать материал?

– Да, Федор Андреевич, понадобились многие годы на сбор сведений, по крупицам, по крохам информации складывалась картина нашей казачьей трагедии в Лиенце. К тому же сильно изменилась политическая и территориальная ситуация в Восточной Европе. Это в свою очередь привело ко второй волне рассеивания нашего казачества по миру. Но помогали все, кто мог, письмами, воспоминаниями, документами. Так что это во многом коллективный труд многих казаков и небезразличных людей к нашей судьбе. Я рад, что в результате усилий всех нас появилась эта книга. Эта книга для меня такой же значимый результат моей жизни, как и сохранение Войсковых регалий.

Маститый ученый и общественный деятель Ф.А. Щербина внимательно слушал кубанского Войскового атамана В.Г. Науменко, с которым они, «когда-то и где-то», то были единомышленниками, то оппонентами, и кивал, то ли в такт словам собеседника, то ли собственным мыслям.

– А скажите, Вячеслав Григорьевич, тяжела ли была эпопея по сохранению Регалий?¹⁸ Я-то ушел в 1936, лишь со

¹⁸ Кубанские Войсковые Регалии – комплекс войсковых знаков отличия, атрибутов власти и документов отмечающих и фиксирующих заслуги и подвиги черноморского, а затем и кубанского казачества на военном поприще.

стороны наблюдая Вашу борьбу с «самостийниками»¹⁹ как за сами Войсковые Регалии, так и в целом. Как ситуация складывалась потом?

– Ох, Федор Андреевич, потом тоже было очень не просто. Как Вы знаете, Кубанские Войсковые Регалии находились в Белграде в Военном музее. В 1941 году Германия напала на Сербию, музей был частично разбомблен и разграблен. Пропала и часть наших казачьих реликвий и святынь. В этот период пришлось опять отбиваться от самостийников, которые открыто встали на националистические позиции и стали пользоваться покровительством немцев. При поддержке немцев пытались забрать Регалии. Затем Германия напала на Советов, была долгая война. Но... Советы сломали немцев. В 1944 году Красная армия подошла к Белграду. Пришлось увозить Регалии все дальше в Европу, затем в Америку. Но Вы, знаете, Федор Андреевич, и в Америке пришлось нелегко. Находились и там проходимцы, желающие отобрать казачьи святыни. Только теперь их интересовали не политические аспекты, а возможность наживы. Ведь наши казачьи Регалии очень дорого можно было продать.

– Да, Вячеслав Григорьевич, безрадостную картину Вы нарисовали... А что же казаки, как повели себя в войне Германии с Советами?

Вячеслав Григорьевич Науменко, представший в этом за-

¹⁹ Самостийники – сепаратистское политическое движение в казачьей эмиграции 1920-1940-х гг., стоящее на позициях отделения Кубани от России.

гадочном месте в чине полковника Генерального Штаба, награжденный орденами и Золотым оружием за самоотверженные действия и доблестные заслуги в Первой мировой войне против немецких войск, тяжело вздохнул и отвернув взгляд в сторону будто пытался что-то разглядеть вдали. Затем повернувшись к собеседнику, тяжело сказал:

– А что казаки... Особо непримиримые с Советами стали формировать свои части и встали под знамена германской армии, другие под немцев не пошли... Когда мы сошлись с коммунистами в Гражданской, это была наша война. Когда в 1941 году пришли немцы воевать с коммунистами, это уже был внешний враг, пришедший на русскую землю.

– А Вы? Вы, господин атаман, где были?

Спокойно спросил Щербина и пристально посмотрел на Науменко.

В очередной раз тягостно вздохнув Войсковой атаман Кубанского казачьего войска Вячеслав Григорьевич Науменко в ответ посмотрел в глаза собеседнику.

– Я, Федор Андреевич, был с теми, кто на черкесах и гимнастерках нашили германского орла...

И Науменко опять отвернулся, невидяще смотря вдаль.

Повисла долгая пауза тишины. Затем тяжело поднявшись из кресла, соратник, а временами противник кубанского атамана, Федор Андреевич Щербина, взглянул в глаза Науменко.

– Идите господин атаман. Ваша Голгофа ждет Вас...

– Голгофа?

– Да. Вы еще не догадались? Странность места, Вы сами такой, каким быть не должны, мы все, которые не должны были уже никогда встретиться... Вы же поняли что уже покинули *Тот* мир. Значит пришло время ответить... За жизнь праведную или грешную, за честность или подлость, за подвиги или предательство... Идите, Вячеслав Григорьевич, дорога зовет Вас.

Пружинисто поднявшись из кресла, Науменко шагнул к Щербине, и собеседники обменялись рукопожатиями. Затем молча развернувшись, придерживая шашку, человек, пребывающий в *Преддверии* в образе полковника Генерального Штаба, шагнул на дорогу.

Пружинисто отмеряя шага за шагом, хрустящую камешками, дорогу шел полковник Генерального Штаба, привычно придерживая шашку, на груди качались аксельбант и ордена. Слегка подрагивало марево воздуха, в пронзительной синеве неба все также не было ни одной птицы, безмолвная тишина обволакивала путника. Но он ничего не замечал. Ритмично отмеряя дорогу, он в очередной раз погрузился в размышления, вступив в диалог с самим собой.

– Вот так встреча! Это место не перестает удивлять! Надо же, – Федор Андреевич! Все такой же – собранный, погруженный в свои научные размышления, но все также ост-

ро-опасный в силу своего интеллекта.

– Да, странное все же сие место, интересное, но странное. Он ушел в 1936 году, я в 1979. И вот он сидит со своими книгами, занимается «штудиями», такой... Такой... Да таким он пожалуй был в период нашей Смуты революционной. И как будто вчера расстались...

И погруженный в свои размышления, не замечая дороги, Вячеслав Григорьевич Науменко продолжил свой мысленный разговор с оставшимся за поворотом дороги профессором Федором Андреевичем Щербиной.

– Вот Вы про Регалии спросили, Федор Андреевич. А ведь как мы с Вами в свое время поборолись за них, ох как спорили, как серчали друг на друга. Все Вам хотелось их из Белграда в Прагу перенести, поближе к себе. Только основная масса кубанских казаков осела в Сербии. Да, в Чехословакии тоже было много наших казаков, особенно молодежи, которая там училась. Но центр казачьей эмиграции был в Сербии. Опять же – Войсковой штаб и Войсковой атаман в Белграде, так почему Регалии должны быть в Праге? Эх, все наши политические, а скорее личные амбиции... Вот это сгубило нашу эмиграцию. Ну почему так? Вместо того чтобы консолидироваться, объединиться против настоящего врага стали грызться между собой. Клевать ближнего проще чем бороться с реальным врагом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.